

А. И. Павловская

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЕГИПТЕ В КОНЦЕ III в. В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ И ПЕТИЦИЯХ

Последние годы III столетия в Египте были ознаменованы набегами блеммиев (292 г.) и волнениями местного населения в Копте и Бусирисе¹; особенно крупным было движение, охватившее всю страну и известное в истории как восстание Ахиллеса. Сообщения о нем сохранились у многих древних авторов², но в основном они восходят к версиям современников событий — Евтропия (в *Breviarium*, IX. 22—24) и Евсевия (в *Chronicon*³). Известия о восстании Ахиллеса в литературных источниках очень скудны: сообщается, что оно по времени совпадает с узурпацией Караузия в Британии, восстанием квинквентянов в Африке и началом войны с Нарсесом. По Евсевию — до этих событий, а по Евтропию — в связи с ними Диоклетиан преобразовал диархию в тетрархию и, отправив в Британию Констанция, в Африку Максимиана, а против персов Галерия, сам двинулся в Египет. Разбив восставших у Пелузия, он осадил Александрию. Однако одержать победу над Ахиллесом удалось только в результате длительной (около 8 месяцев) осады города, после чего Диоклетиан учинил жестокую расправу над восставшими по всему Египту. Затем император провел ряд реформ, которые, по словам Евтропия, сохранили значение до его дней (*quae ad nostram aetatem manent* — *Eutr.* IX. 23).

Долгое время эта литературная традиция была единственным источником по истории восстания Ахиллеса, на основании ее делались разные предположения о характере и масштабах восстания и о самом Ахиллесе⁴. Многочисленные находки в конце XIX в. монет, чеканенных в Александрии с легендой IMP. L. DOMITIVS DOMITIANVS AVG, но по времени и характеру чекана близких монетам Диоклетиана и его соправителей, породили гипотезу об Ахиллесе как узурпаторе, принявшем имя Домития Домитиана⁵. Публикация в 1927 г. нескольких папирусов из мичиган-

¹ См. *Johnson A. Ch. Lucius Domitius Domitianus Augustus // Classical Philology.* 1950. 45. P. 13—21; *Lallemand J. L'administration civile de l'Egypte.* Bruxelles. 1964. P. 35.

² *Eutrop.* IX. 22—23; *Aur. Vict.* XXXIX. 23; *Hieronim. Chronicon.* P. 225 (R. Helm); *Oros.* VII. 25. 4—8; *Johannes Malalas. Chronographia.* XII. 409c—410e; *Theophanes. Chronographia // PG.* CVIII. 67; *Epitoma historiarum.* XII. 31—32.

³ «Хроника» Евсевия (= *Παντοδαπή ιστορία*) дошла в переводе V в. на древнеармянский язык (издана в 1818 г. М. Авгеряном в Венеции; критическое издание — *A. Schoene. Bd I—II, 1866—1875*) и в переработке Иеронима. См. *Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии.* М., 1984. С. 183.

⁴ Полный обзор историографии дан в монографии: *Schwartz J. L. Domitius Domitianus (Étude numismatique et papyrologique).* Bruxelles. 1975.

⁵ *Sachs H. Achilleus and Domitianus // ZfN.* 1885. 13. S. 239—244.

ской коллекции, содержащей письма из Коптоса некоего Паниска к своей жене⁶. в одном из которых упоминался *ἐπαυροῦθωτής* Ахиллес, позволила папирологам предположить, что эти документы также связаны с восстанием Ахиллеса. И только публикация в 1939 г. кайрского папируса из архива Аврелия Исидора⁷ дала возможность установить ход событий и создать более правильное представление о социально-политической обстановке в Египте этого времени. Документ представляет собой петицию на имя бенефициария и декадарха Аврелия Леонтия от Таэсис и Кириллус, дочерей Копреса, из комы Каранис, по поводу присвоенного мачехой отцовского наследства. В петиции указывается, что их жалобу будет рассматривать «светлейший корректор» (*διασημύτατος ἐπαυροῦθωτής*) Аврелий Ахиллес, истицы просят бенефициария обязать мачеху представить необходимые документы для этого рассмотрения. Петиция датирована 2-м годом Луция Домиция Домициана.

Опубликование этого документа разрешило вопрос о расхождении нумизматических и папирологических данных с литературной традицией, но в то же время породило целый ряд новых вопросов⁸: кто такой Домиций Домициан? Почему в исторической традиции не сохранилось его имени? Какой характер носила его узурпация? Какими годами следует датировать правление Домициана и восстание Ахиллеса?

В ходе последующих исследований было выявлено 15 документов (папирусов и острака), датированных первым, а в подавляющем большинстве случаев — вторым годом правления Л. Домиция Домициана⁹, и более сотни чеканившихся при нем монет (с его именем и портретом) разных типов и достоинств. в том числе тетрадрахмы, датированные вторым годом. Но сами по себе датировки по годам правления Домиция Домициана не дают возможности непосредственно перевести их на наше летоисчисление, для этого необходимо сначала согласовать их с годами правления Диоклетиана и его соправителей. Сопоставление папирусов и острака, содержащих упоминания о Домиции Домициане и Ахиллесе с литературной традицией и с папирусами и острака, датированными годами правления тетрахов, породило различные гипотезы и концепции.

В. Сестон в результате своего анализа свидетельств древних авторов и папирусов датировал восстание Ахиллеса 296—297 гг. и высказал мнение, что именно Ахиллес играл главную роль в организации восстания, исполняя при Домиции те же функции, которые выполнял Оденат при Аврелиане в Пальмире¹⁰. Опираясь на эдикт Диоклетиана против манихеев, изданный, по его мнению, в 297 г., Сестон связывает восстание Ахиллеса с

⁶ Winter J. G. The Family Letters of Paniskos // JEA. 1927. 13. P. 59—74 = SB. 7274—7253, re-published in 1936, p. Mich. III. № 214—221.

⁷ Boak A. E. R. Early byzantine papyri from the Cairo museum, № 21 // Études de papirologie. 1939. 5. P. 85—93, переиздан P. Cair. Isidor. № 62.

⁸ См. Lallemand J. Lucius Domitius Domitianus // Aegyptus. 1953. XXXIII. Fasc. 1. P. 97—104.

⁹ P. Cair. Isidor. 38, 39, 62, 80, 99, 100, 104, 105, 139; P. Thead. 26; P. Mich. III, 220; P. Michaelid. 24. ВГУ. XI. 2027; O. Mich. 802, 1029. Первым годом правления Домиция Домициана датирован только один документ из архива Исидора (P. Cair. Isidor. 139) — петиция бенефициарию Аврелию Гордиану, помеченная *μεσορη ἐπαυροῦθω*, т. е. добавочными днями, вставлявшимися между последним месяцем закончившегося года и 1 *тота* — началом нового, приходившимся на 29 августа по юлианскому календарю. Так как по обычаю в Египте годы правления императоров исчислялись по календарному году, то с 29 августа начинался уже второй год правления Домиция Домициана. Поскольку более ранних, чем этот папирус, не найдено, ученые считают, что восстание Ахиллеса началось незадолго до этой даты.

¹⁰ Seston W. Dioclétien et la tétrarchie. P., 1946. P. 136—160.

манихеями и с антиримской дипломатией Нарсеса. Получилась интересная и яркая интерпретация, но недостаточно убедительная. Так, его стремление доказать, что Паниск принадлежал к секте манихеев, базируется на обычных в начале писем формулах добрых пожеланий с обращением за помощью к богу или богам (типа: «молю богов, чтобы ты был здоров»)¹¹. Но уже издатель Р. Mich. III отметил, что характер почерка и расхождение в написаниях имен жены (в Р. Mich. 217 и 220) и дочери (в Р. Mich. 220 и в 214, 217, 218) позволяют предположить, что письма были написаны разными профессиональными писцами¹². Следовательно, стиль писем и стандартные формулы не могут служить бесспорным свидетельством принадлежности Паниска к манихеям, поэтому концепция Сестона не нашла поддержки в последующих исследованиях.

Узловыми вопросами, вокруг которых развернулась дискуссия, стали соотношение во времени документов и монет, содержащих имя узурпатора, с документами и монетами, датированными именами тетрархов, и вытекающая из этого последовательность событий. В зависимости от той или иной интерпретации соотношения документов решаются вопросы о времени восстания, его причинах, размахе и результатах. Предложенные даты начала восстания Ахиллеса колеблются от 294 до 298 г.¹³, но после работ Ж. Шварца¹⁴ и Д. Томаса¹⁵ дискутируются лишь две датировки — 296/297 и 297/298 годы. Исследователи сходятся лишь в том, что восстание длилось менее года¹⁶ и что Диоклетиан, одержав первую победу над восставшими у Пелузия, затем с некоторым трудом восстановил свою власть в долине Нила и овладел Александрией. Шварц выдвинул гипотезу¹⁷, что восстание имело два центра — юг Египта и Дельту, Средний Египет лишь на короткий срок оказался в руках восставших. Томас считает восстание исключительно серьезным, по его мнению, оно началось в Фиваиде, затем распространилось на весь Египет и примерно на шесть месяцев эта провинция была потеряна для тетрархии¹⁸.

Расхождения исследователей в оценке причин и результатов восстания по существу сводятся к определению места в цепи источников одного очень важного документа — эдикта префекта Аристия Оптата (Р. Cair. Isidor 1), твердо датированного 20-м *фаменота* 13 года правления Диоклетиана, т. е. 16 марта 297 г. Этим эдиктом префект извещал население о произве-

¹¹ Ibid. P. 150.

¹² Papyri in the University of Michigan Collection. V. III. Miscellaneous Papyri / Ed. J. G. Winter. Ann Arbor, 1936. P. 275. Позднее это подтвердил Г. Юги, отметив, что едва ли Паниск умел писать, так как ни в одном из писем нет приписок другим почерком прощальных приветствий, что обычно делали грамотные люди (Youtie H. C. Paniskos and his wife's name // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1976. Bd 21. Ht 3, S. 193—196); Ф. Фарид, проанализировав форму и содержание писем, также пришел к выводу, что на основании их можно судить лишь о религиозной принадлежности писцов, а не Паниска (Farid F. Paniskos: christian or pagan? // Museum philologum londoniense. V. 2. Amsterdam, 1977. P. 109—117).

¹³ Lallemand. Op. cit. P. 98.

¹⁴ Schwartz J. L. Domitius Domitianus (Étude numismatique et papyrologique). Bruxelles, 1975.

¹⁵ Thomas J. D. The date of the revolt of L. Domitius Domitianus // ZPE. 1976. 22. S. 253—279.

¹⁶ Большинство исследователей, интерпретируя сообщение Евтропия (IX, 23) Diocletianus obsessum Alexandriae Achilleum octavo fere mense superavit eumque interfecit, считают, что слова «почти 8 месяцев» относятся ко всей длительности войны Диоклетиана с Ахиллесом, а не к осаде Александрии.

¹⁷ Schwartz J. Autour du dossier de Paniskos (Р. Mich. 214—221 // Aegyptus. 1968. 48. P. 115; idem. L. Domitius Domitianus // ZPE. 1977. 25. P. 218.

¹⁸ Thomas. Op. cit. P. 277.

денной тетрархиями налоговой реформе и о введении новых норм обложения. Одни исследователи, например А. Ч. Джонсон, К. Вандерслеijen, Д. Томас и другие, считают, что эдикт и объявленные в нем реформы предшествовали восстанию Ахиллеса и даже послужили одной из причин восстания¹⁹. Другие, в том числе Ж. Лаллеман, Ж. Шварц и А. Бек и Г. Юти, издавшие эдикт Оптата, видят в нем результат замирения Египта²⁰.

Учитывая важность документа, рассмотрим его содержание. Вот его текст²¹: «Всепроявляющие императоры наши Диоклетиан и Максимиан и славнейшие Цезари Констанций и Максимиан, узнав ... что обложение государственным налогами, случается, происходит так, что одних почти освобождают, других же переобременяют, сочли достойным, чтобы искоренить этот порочный и губительный порядок ради блага самих жителей эпархии (ὅτι ἐρ τοῦ συμφέροντος τῶν ἑαυτῶν ἐπαρχιωτῶν), дать спасительный образец (τύπον τε σωτήριον), согласно которому должно облагать налогами. Итак, сколько с каждой аруры в соответствии с качеством земли следует налога и сколько с каждой головы сельских жителей и с какого по какой возраст, пусть будет всем известно из обнародованного божественного эдикта и приложенной к нему инструкции (βραβείου) копии которых я публично выставил впереди этого моего эдикта. Облагадетельствованные этим в высшей степени ([εὐ]εργετηθέντες οὖν καὶ ἐν τούτῳ τὰ μέγιστα), жители эпархии пусть позаботятся согласно божественным предписаниям (ἀκολούθως τοῖς θεϊῶδος διατυπωθεῖσιν) внести налоги со всей быстротой, никоим образом не дожидаясь принуждения сборщика, ибо подобает, чтобы каждый со всем усердием выполнял долг преданности (τὰ εἰς καθοσίωσιν σὺμπαντα προθύμωτα); если же кто-то будет уличен, как действующий по-иному после столь великого благодеяния (букв.: дарования — μετὰ τὴν τοιαύτην δωρεάν), тому будет грозить наказание. Предписывается архонтам и пританам каждого полиса отослать копию божественного эдикта вместе с инструкцией и (копию) этого эдикта в каждую кому или даже местечко, чтобы как можно быстрее дошло до сведения всех великое благодеяние (μεγαλοδωρίαν) императоров наших и цезарей. Напоминается практорам всех видов (налогов), чтобы они старались изо всех сил, кто же будет уличен в пренебрежении, тот рискует головой. Год 13 и 12 и 5 господ наших Диоклетиана и Максимиана Августов, Констанция и Максимиана знатнейших Цезарей, Фаменот 20».

В тексте эдикта, как подчеркнул Томас²², нет упоминаний о восстании Ахиллеса, что, по мнению Эльберна²³, служит решающим аргументом в пользу того, что эдикт появился до восстания. Но почему в эдикте префекта, сопровождающем копии «божественного эдикта» и брeвиария и имеющем целью лишь довести их содержание до всех налогоплательщиков и обязать их немедленно начать выплату налогов, должно присутствовать упоминание о восстании? Логичнее предположить, что об этом должно было говориться в императорском эдикте. Но копия его до нас не дошла, можно лишь предположительно, на основании информативной части со-

¹⁹ Johnson. Op. cit. P. 17—21; Vandersleyen Cl. Chronologie de préfets d'Egypte de 284 à 395. Bruxelles, 1962. P. 58; Thomas. Op. cit. P. 271; см. также введение Т. С. Skeat к P. Beatty Panop. P. XI—XII.

²⁰ Lallemand. Lucius Domitius Domitianus. P. 99; eadem. L'administration civile de l'Egypte. P. 36; Schwartz. L. Domitius Domitianus (Étude ...). P. 66; Boak A.E.R., Youtie H. Ch. (Ed.) The Archive of Aurelius Isidorus. Ann Arbor, 1960. P. 23.

²¹ Папирус впервые был издан А. Бекон в 1934 г. (Et. de Papyr. 2. P. 1—8), переведен в SB.V. 7622 и P. Cair. Isidor 1.

²² Thomas. Op. cit. P. 271.

²³ Elbern St. Usurpationen im spätrömischen Reich. Bonn, 1984. S. 156.

хранившегося документа сконструировать некоторые моменты императорских предписаний ²⁴.

Вероятно, в эдикте императоров, так же как и в эдикте Оптата, декларировалось стремление облегчить положение налогоплательщиков и устранить злоупотребления в обложении государственными налогами, обусловленные порочностью самой системы раскладки налогов. Чтобы искоренить эти пороки, императоры вводили новый порядок обложения и установили шкалу, согласно которой следовало исчислять налоги. Очевидно, конкретизация этих основных установок была дана в приложенной к императорскому эдикту инструкции. Новый порядок и нормы обложения императоры предписывали довести до сведения всех жителей провинции, так как именно для их блага они дали этот «спасительный образец». Эдикт императоров, по-видимому, был выдержан в духе филантропических благодеяний, и жители провинции призывались «со всем усердием выполнять долг преданности». В ряду риторических пассажей могло находиться и какое-то глухое упоминание о восстании, но при современном наличии источников это не более чем гипотеза.

Что касается дошедшего до нас эдикта Оптата, то в его содержании и тональности можно, как кажется, найти аргументы в пользу того, что он появился после подавления восстания Ахиллеса ²⁵. В эдикте префекта предписывается всем жителям эпархии, «облагодетельствованным в высшей степени» «божественными предписаниями» тетрархов, внести налоги возможно быстрее, без принуждения, чтобы доказать свою преданность тетрархии, иное поведение будет расценено как нелояльное и повлечет за собой наказание. Эдикт императоров был издан в *фаменте* (марте), т. е. в начале второй половины египетского года, незадолго до созревания хлебов — во время, не вполне подходящее для перестройки системы обложения. И поскольку уже приближалось время сбора урожая, префект торопит местные власти как можно быстрее известить каждую кому о новом порядке и нормах налогового обложения. Характерна и угроза сборщикам налогов: уличенные в небрежном исполнении своих обязанностей они рискуют быть подвергнутыми смертной казни.

Едва ли такой тон предписаний префекта соответствовал бы обычной нормальной обстановке в Египте, скорее он свидетельствует об экстраординарных обстоятельствах — о недавнем замирении страны, о необходимости организации быстрого сбора хлебных поставок для обеспечения вывоза зерна из Египта, вероятно, прервавшегося во время восстания и осады Александрии.

Возможность такой интерпретации эдикта позволяет усомниться в бесспорности весьма убедительно выстроенной Д. Томасом цепи хронологических доказательств ²⁶ своей концепции и присоединиться к мнению Ж. Шварца, что вопросы датировки восстания Ахиллеса нельзя решать, не рассматривая проблему в целом ²⁷. Один из аспектов этой проблемы —

²⁴ *Boak, Youtie. Op. cit. P. 24.*

²⁵ Аргументацию Ж. Шварца см. в его книге: *L. Domitius Domitianus (Étude...)* P. 66 *suiv.*

²⁶ В дополнение к аргументам Д. Томаса укажем на P. Thead. 27 — датированную 29 *фаофи* 15 г. Диоклетиана (26 октября 298 г.) квитанцию в получении декапротами (полисными магистратами, ведавшими сбором налогов) Геронимом, Афанасием-Филадельфом и Серением (первые два — прежние экзегеты Александрии, третий — прежний гюмнасиарх Арсинополя) от Сакаона и наследников Сатабута из Теадельфии пшеницы в счет урожая 14 года Диоклетиана, т. е. 297/298 г. Те же декапроты и с указанием тех же званий выдали квитанцию, датированную 16 *тома* (=13 сентября) 2 года Домиция Домициана (P. Thead. 26).

²⁷ *Schwartz. L. Domitius Domitianus. P. 217 f.*

изучение обстановки в комах в период восстания по дошедшим документам и частным письмам.

Большинство документов из Фаюма, датированных годами правления Домиция Домициана свидетельствуют о мирной повседневной деятельности населения. Так, первым днем (1 *tota* = 29 августа) 2-го года правления Домиция Домициана помечен договор на аренду Исидором, сыном Птолемея, из комы Каранис трех участков земли возле комы Керкесухон Агора, принадлежащих Аврелию Зоилу из Арсинополя (P. Cair. Isidor. 99); в октябре того же года Исидор берет в аренду еще один участок земли в Керкесухон Агора, принадлежащий булевту Аврелию Немесину из Арсинополя (р. Cair. Isidor. 100), оба договора заключены на три года. В декабре того же года Памун, сын Филосараписа, из комы Тептюнис заключает договор об аренде участка земли возле своей комы, принадлежащей Аврелию Гераклиду, сыну Максима, вероятно, из Арсинополя (р. Michaelidae, 24). Ноябрьем второго года Домициана помечены два соглашения о разделе имущества между наследниками Копреса, сына Птолемея (P. Cair. Isidor. 104 и 105). Сохранились расписки декапротов о получении налоговых поставок зерном от жителей Теадельфии и Каранис²⁸, поселений, находившихся на противоположных окраинах Фаюмского оазиса. Такого же рода документы содержатся в папирусах, датированных 13—12—5 и 14—13—6 годами правления тетрархов²⁹, т. е. 296—298 гг., в рамках которых, как считают исследователи, произошло восстание Ахиллеса.

Лишь немногие документы этого времени могут служить свидетельством необычной, не вполне мирной обстановки в стране. Так, кто-то из жителей Каранис (имя не сохранилось) жалуется бенефициарию³⁰ Аврелию Гордиану (находящемуся в Арсинополе), что какие-то чужие люди напали на него, свидетелями называет комархов (P. Cair. Isidor. 139, жалоба очень фрагментированная, датирована 24—28 августа 1-го года Домициана). В октябре 2-го года Домициана Аврелий Герон, сын Птолемея, из Каранис, заключает соглашение с кем-то из граждан Арсинополя, что будет за него исполнять обязанности *summachos* — вооруженного посыльного, оружие (меч) предоставит наниматель (P. Cair. Isidor. 80).

На имя другого бенефициария³¹ — Аврелия Леонтия — адресована уже упоминавшаяся жалоба Таэсис и Кириллус, дочерей Копреса, о присвоении мачехой отцовского наследства (P. Cair. Isidor. 62). В архиве Исидора сохранилось несколько документов³², связанных с наследством Копреса и дальнейшей судьбой его дочерей, так как одна из них — Таэсис — стала женой Гераса, брата Исидора. Как выясняется из них, Таэсис и Кириллус в раннем возрасте потеряли мать, а отец, женившийся второй раз, тоже вскоре умер. Девочек взял на воспитание дядя по матери Аммоний, хотя все отцовское наследство осталось в руках родственников отца и отчасти его второй жены. Судя по содержанию петиции на имя Аврелия Леонтия, спор с мачехой по поводу наследства уже рассматривался в какой-то

²⁸ BGU. XI. 2027; P. Thead. 26; P. Cair. Isidor. 38, 39; O. Mich. 802, 1029.

²⁹ Контракты на аренду земли: P. Michaelidae. 23; SB. 9269; PSI. 1071; договор найма P. Cair. Isidor. 81; налоговые квитанции P. Cair. Isidor. 37; р. Оху. 1571, ряд ostraka.

³⁰ Бенефициарий, по папирусам III в., — заслуженный воин (вероятно, офицерского ранга), откомандированный из воинской части для специальной службы в штате магистрата, обладавшего военной властью в провинции; в Египте назначался префектом. См. *Boak, Youtie*. Op. cit. P. 255.

³¹ В P. Cair. Isidor. 62 название должности не сохранилось, издатели восстанавливают по аналогии с P. Cair. Isidor. 63. См. *ibid.* P. 249.

³² P. Cair. Isidor. 62—64; 104—105; 59; 53; 55.

инстанции, теперь же истцы (Аммоний и племянницы) намереваются представить дело на рассмотрение «величию светлейшего корректора» (τὸ μέγεθος τοῦ διασημωτάτου ἐπανορθωτοῦ) Аврелия Ахиллеса и просят бенефициария Аврелия Леонтия принудить мачеху представить документы, подтверждающие ее права на присвоенное имущество (27 овец и деньги — 1 мина золотых) и на долевое владение рабыней, и ознакомить с ними истцов.

Эта жалоба, датированная 2-м годом правления Домиция Домициана значительно отличается по своему стилю от других петиций из архива Исидора, адресованных местным чиновникам и префектам. Прежде всего она начинается с риторической преамбулы: «многообразны бывают обман и жадность людей, но в этом случае обвиняемых остается лишь наказать с присущей высшей власти строгостью (τῆς τοῦ μείζονος ἐπιστροφείας) за то, на что они отважились». В других документах такого рода, в том числе в петициях, адресованных бенефициарию Аврелию Гордиану, близких по времени, преамбулы отсутствуют, а в петициях, направленных префекту Элию Публию³³ и презесу Аврелию Антонину³⁴, они имеют не такой морализующий, а более деловой характер и более кратки. Хорошо известно, что стиль петиции в большинстве случаев определяется не истцами, часто неграмотными, а писцом, составившим жалобу по определенному, избранному им канону³⁵. И тем не менее рассматриваемый нами документ имеет определенный колорит, отражающий время его создания.

Возможно, само появление жалобы на обидчиков сирот в какой-то мере было стимулировано фактом или известием об установлении новой власти, от которой ожидали восстановления справедливости. Ведь название должности или, скорее, титула Аврелия Ахиллеса — corrector в греческой передаче ἐπανορθωτής, производное от глагола ἐπανορθῶ «исправлять, улучшать», вселяло надежду на устранение несправедливости, насилия, наказание обидчиков.

Характерно, что в петиции дважды говорится в неопределенной форме о высшей власти. — ὁ μείζονος (издатели переводят «Его Высочество»), а там, где упоминается Аврелий Ахиллес, с его именем связан термин τὸ μέγεθος — «величие (духа?)» и титул, обычно употреблявшийся по отношению к префектам Египта — διασημωτάτος = clarissimus — «светлейший», «знаменитейший», «славнейший».

Таким образом, стиль петиции с преамбулой и выражением исключительного почтения к «светлейшему корректору» позволяет предположить, что Аврелий Леонтий, «находящийся при исполнении службы в Арсиноитском номе», принадлежал к ближайшему окружению Аврелия Ахиллеса. Авторы петиции, сообщая ему о своем намерении передать свои претензии к мачехе на рассмотрение «светлейшего корректора», надеются, что их дело будет слушаться в присутствии «высочества» (λέγειν... ἐπὶ τοῦ μείζονος) очевидно, в Арсинополе. Все это подводит к выводу, что ко вре-

³³ P. Cair. Isidor. 66—67. По данным P. Oxy. 1204, 1416 и OGIS 718 = SB 8278 известен как префект 298—299 гг. См. также *Vandersleyen*. Op. cit. P. 12, 70—72.

³⁴ P. Cair. Isidor. 74, петиция датирована декабром 315 г. В петиции, адресованной префекту Юлию Юлиану (P. Cair. Isidor. 73), занимавшему эту должность в 314 г. (см. *Vandersleyen*. Op. cit. P. 13), преамбула отсутствует.

³⁵ См. *Ковельман А. Б.* Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте // ВДИ. 1984. № 2. С. 170—184. Хотя издатели отмечают, что в петиции дочерей Копреса прослеживаются два почерка и что основной текст содержит множество ошибочных написаний, вероятно все же, что жалобу писал если не профессиональный писец, то человек, знакомый с практикой составления петиций.

мени написания петиции 8 *тота* (5 сентября) 2-го года Домиция Домициана Аврелий Ахиллес находился в Фаюме или ожидалось его прибытие.

Как разрешилась тяжба дочерей Копреса с мачехой, участвовал ли в разборе дела Аврелий Ахиллес — остается неизвестным. Зато сохранился ряд документов о тяжбе Таэсис и Кириллус по поводу отцовского наследства с родственниками отца, позволяющих высказать некоторые соображения о развитии событий. Спустя полтора месяца после их петиции бенефициарию Аврелию Леонтию состоялись два соглашения: о разделе находившихся ранее в совместном владении братьев и сестер Копреса ступ (P. Cair. Isidor. 104) и разделе 2 аруп земли, присвоенных одним из братьев — Хайремоном (P. Cair. Isidor. 105), в результате чего была выделена доля Таэсис и Кириллус. Не исключено, что эти соглашения последовали за рассмотрением их жалобы корректором, так как можно полагать, что, обращаясь в высшую инстанцию, сестры просили о возвращении всего наследства отца, оказавшегося не только в руках мачехи, но и в руках его братьев и сестер. Однако не все имущество, на которое претендовали сестры, было им возвращено.

Во второй из сохранившихся петиций (P. Cair. Isidor. 63) Таэсис жалуется, что они уже дважды обращались к бенефициарию (имя не названо) с просьбами заставить Хайремона вернуть им наследство отца, но он все еще не вернул и, мало того, его жена и дочери избили Таэсис за упорные попытки добиться справедливости. Эта жалоба адресована бенефициарию Аврелию Гордиану, упоминавшемуся также в петиции, датированной 1-м годом Домиция Домициана³⁶, и написана в обычном деловом стиле (очевидно, по своему служебному рангу Гордиан занимал более низкое положение, чем Леонтий), и на этот раз петиция Таэсис не привела к желаемым результатам.

Спустя какое-то время³⁷, уже после восстановления в Фаюме власти тетрархов сестры снова обращаются с жалобой, на этот раз к стратегу Арсиноитского нома Аврелию Герону на то, что Хайремон присвоил из отцовского наследства 61 овцу, 40 коз, мельницу, 3 таланта серебряных монет, двух рабов и 2 артабы пшеницы, а им вернул лишь аруры малопродуктивной государственной земли, уплатить налоги с которых они не в состоянии. Обращаясь к стратегу с просьбой заставить Хайремона вернуть им отцовское движимое имущество, сестры уже не упоминают о решении бенефициариев, а ссылаются лишь на распоряжение протостата комы Серена — Гардократа, которому Хайремон не подчинился.

Сопоставление рассмотренных документов позволяет с большой долей вероятности высказать предположение, что дело о наследстве дочерей Копреса рассматривалось в канцелярии (или при штабе) корректора Аврелия Ахиллеса в полном объеме и было решено в их пользу. Принятые решения в течение октября-ноября имели безусловную силу на территории Каранис (и, вероятно, всего Фаюма), что заставило родственников Копреса пойти на соглашение о разделе имущества. Однако уже в декабре появляются жалобы на то, что Хайремон упорно сопротивляется выполнению решения бенефициариев о возвращении племянницам имущества их отца, и это можно рассматривать как свидетельство о падении на местах авторитета бенефициариев — представителей власти Аврелия Ахил-

³⁶ P. Cair. Isidor. 139, см. выше

³⁷ Д. Томас, исходя из своей датировки восстания Аврелия Ахиллеса 297/298 г., относит сроки подачи петиций бенефициариям на период от 25 ноября по 21 декабря, а петицию на имя стратега датирует началом 298 г. (см. *Thomas D. A family dispute from Karanis and the revolt of Domitius Domitianus // ZPE. 1977. Bd 24. S. 233—240*).

леса (что, возможно, связано с уходом из Фаюма основных сил повстанцев), хотя документы продолжают датироваться годами правления Домиция Домициана. Таким образом, возлагавшиеся жалобщиками надежды на власть *ἐπαυροθῆς* оказались неосуществленными.

Очень интересный материал о судьбах людей в период восстания Ахиллеса дают письма некоего Паниска, тоже найденные в Фаюме в руинах комы Филадельфии на восточной окраине оазиса ³⁸. Всего к настоящему времени известно шесть относительно хорошо сохранившихся писем Паниска и один фрагмент, содержащий дату; к ним обычно присоединяют письмо Плутогении к матери, идентифицируя автора письма с женой Паниска. Из шести писем только в двух указаны число и месяц написания письма без указания года. P. Mich. 216—22 пауни и P. Mich. 220 — 12 *тома*, фрагмент P. Mich. 215 датирован месяцем *фармути*. Как уже говорилось, в одном из писем (P. Mich. 220) упоминается *ἐπαυροθῆς* Ахиллес, и это позволило приурочить всю переписку к определенному году и извлечь из нее важную информацию о восстании Ахиллеса.

Так как большинство писем не датированы, то их очередность и последовательность отраженных в них событий устанавливаются исследователями на основе логических соображений. Так, если следовать порядку расположения писем в III томе Мичиганских папирусов и предложенному издателем (М. Уинтером) чтению и трактовке писем, то получается следующая картина. Паниск, житель Филадельфии в Фаюме, возможно, торговец (оружием?), по каким-то делам незадолго до восстания отправился в Копт. В первом письме своей жене Плутогении (P. Mich. 214) Паниск сообщает о благополучном приезде в Копт и встрече с сестрой жены и ее семьей, о своем намерении прислать кого-то за ней и просит привезти с собой некоторое количество шерсти, оливкового масла, меда, его оружие — новый щит, шлем, копыя, снаряжение (палатку?), а также всю одежду и ее золотые украшения, но советует не надевать их в пути на судне.

Во втором письме (P. Mich. 216 ³⁹), датированном 22 пауни, Паниск снова зовет жену приехать и перечисляет, что ему привезти из оружия и снаряжения, просит привезти какой-то материал, если он у нее есть, для изготовления одежды (?); сообщает также, что получил от нее письмо и что дал Антонию 1 талант для передачи ей. В приписке (после прощания и даты) говорится об упомянутых в полученном от Плутогении письме двадцати с чем-то щитах и о каких-то людях («Таммон не из них, Темнас остался внизу»).

Третье, недатированное письмо (P. Mich. 217) написано в раздраженном тоне: Паниск выговаривает жене за то, что она вопреки его распоряжению не отлучается из дома все же ушла, и упрекает ее, что она ни на одно из трех его писем не ответила. Если она не хочет приехать к нему, то он ее не принуждает, это письмо он пишет по настоянию ее сестры. Тем не менее он выражает надежду, что если у нее нет возможности писать об этом (т. е. о приезде?), то пусть она хоть что-то напишет о себе; о не относящемся к ней он слышал. Теперь он уже просит п р и с л а т ь его вооружение — шлем, щит, пять копий, нагрудник, португею. Паниск повторно (?) сообщает, что послал с Антонием 1 талант. То ли с обидой, то ли в оправдание своего раздраженного тона он передает (в конце письма)

³⁸ Папирусы были куплены в 1923 г. Мичиганским университетом, впервые изданы в 1927 г. в JEA. XIII. P. 59—74, переизданы в SB 7247—7253 и в P. Mich. III. № 214—221 (это последнее издание использовано в настоящей работе).

³⁹ Как уже говорилось выше, в P. Mich. 215 сохранился лишь небольшой фрагмент от конца письма, содержащий дату (фармути) и пометку, кому от кого письмо.

слова писмоносца, что Плутогения и ее мать не дали ему ответа для Паниска; следует отметить, что в этом письме нет упоминания о дочери.

В следующем письме (P. Mich. 218) жене Паниск спрашивает, не нуждаются ли они в чем-либо, и сообщает, что написал Айону (чтобы он заботился о них?), и если она (Плутогения) будет отправлять что-то в Гелиополь, пусть известит (Айона?) об этом. Он пишет также, что послал ей шерсть, чтобы она израсходовала (вырученные от ее продажи деньги?) для себя, просит жену заботиться о скоте, сделать ножные браслеты для дочери, изготовить материал себе на хитон и гиматий. Паниск пишет, что намеревается вернуться домой; о своем приезде сообщает (?) через Ахаона, просит приготовить для него какую-то кожаную одежду (τὸ δερματικόν) и поступать соответственно тому, что они (Айон и Ахаон?) хотят.

В письме, адресованном брату Айону (P. Mich. 219), Паниск поручает ему заботиться о своей дочери Гелиодоре, снабдить ее тем, в чем она нуждается, просит обращаться с ней терпеливо и сообщить, хорошо ли она ведет дела, заботится ли об овцах. Конец письма очень фрагментирован, упоминается брат Пасоейс, передаются приветствия матери и другим родственникам и их семьям.

Последнее письмо (P. Mich. 220), датированное 12 *тота* (9 сентября) 2-го года Домиция Домициана, содержит наиболее важную информацию: Паниск сообщает жене, что ее брат Гермия находится на другой стороне у эпарха, что он (Паниск) неоднократно «на словах» (т. е. не письмом) звал его перейти к корректору Ахиллесу, но он не пришел, хотя большинство из *κολλήρων ἡμῶν* перешло к ним. Он сообщает также, что послал ей письмо с Диоскором, которому одолжил 1 талант для какой-то выплаты, а сейчас вторично пишет ей и пересылает его расписку, чтобы Плутогения удержала из имущества Диоскора.

С письмами Паниска издатели и другие исследователи связывают и письмо Плутогении к матери, где она пишет, что уже 8 месяцев находится в Александрии и не получает известий от нее, дает ряд хозяйственных поручений: дать Атас медные сосуды и получить их обратно, позаботиться о механизме (для орошения?) и скоте, сообщить, сколько *κέρια* (монет?) взяла у Купинерис, и советует матери не опасаться и не стремиться к сведению счетов (*μή ἀκνήσης καὶ μή θελήσης σκληρῶναι*⁴⁰). Плутогения обещает матери приехать, если получит от нее известие, что она хочет свою дочь (сестру Плутогении?) выдать замуж.

Таким образом, по мнению издателя, события развивались в следующем порядке: Паниск прибыл в Копт, рассчитывая на приезд туда жены, и неоднократно писал ей, чтобы привезла туда оружие и одежду; убедившись, что она не приедет, настойчиво просил прислать его оружие и снаряжение и, возможно, через кого-то получил его. Поручив брату Айону заботиться о дочери и жене, Паниск вместе с какими-то коллегами присоединяется к отрядам Аврелия Ахиллеса. Предполагая, что первое письмо P. Mich. 214 предшествует фрагменту, датированному месяцем *фармути* (P. Mich. 215), издатель считает, что с апреля до сентября (с *фармути* и до *тота*) Паниск находился в районе Копта. Поездку Плутогении в Александрию он относит ко времени до прибытия Паниска в Копт.

Ж. Шварц⁴¹, анализируя эту переписку, предложил иную последовательность писем. Он считает, что P. Mich. 215 является фрагментом от P. Mich. 219 и, следовательно, этот папирус, содержащий письмо Айону,

⁴⁰ Σκληρῶναι буквально означает «снять доспехи с убитых».

⁴¹ Schwartz J. Autour du dossier de Paniskos (P. Mich. 214—221) // *Aegyptus*. 1968. 48. P. 110—115.

нужно датировать месяцем *фармути*, так же как и связанное с ним письмо к Плутогении (P. Mich. 218), а затем уже были отправлены P. Mich. 214, 216, 217, 220. Таким образом, оба исследователя полагают, что вся переписка Паниска относится ко времени подготовки и начала восстания Аврелия Ахиллеса и служит для Ж. Шварца важным аргументом в пользу его концепции о двух очагах восстания.

Но помимо вопроса о датировке и последовательности писем в их содержании можно отметить ряд деталей, характеризующих обстановку этого времени и ситуацию в семье Паниска. Прежде всего, в P. Mich. 214 Паниск по прибытии в Копт к родственникам пишет жене: «вас обнимает Гермия», а в P. Mich. 220 сообщает, что Гермий, брат Плутогении, находится «по ту сторону вместе с эпархом», т. е. в числе противников Паниска, и его попытки перетянуть Гермия к корректору Ахиллесу терпят неудачу. Затем из P. Mich. 216 ясно, что Паниск письма от жены получал (см. сткк. 13—14, 27—28), причем в фрагментированной части упоминаются *στρατιώται*, а Плутогения имела какое-то отношение к хранению (или получению) *τά ἄπλα*. Выпадает из общего тона переписки P. Mich. 217; в нем единственным из дошедших писем нет упоминаний о дочери, к которой Паниск относился очень заботливо; в то же время он упрекает жену, что она ушла из дома без его разрешения и не едет к нему. Нельзя ли предположить, что это письмо было послано не по обычному адресу, а туда, где в это время находилась Плутогения⁴²? С таким предположением увязывается письмо Паниска к брату Айону (P. Mich. 219) с просьбой, чтобы он позаботился о его дочери и сообщил ему, как она справляется с хозяйством.

В том же P. Mich. 217 имеется довольно любопытный в психологическом плане отрывок: «Смотри, я тебе отправил три письма, и ни на одно мое ты не ответила. Если же ты не хочешь приехать ко мне, никто тебя не принуждает. Это письмо пишу тебе потому, что твоя сестра заставляет меня теперь писать. [Если же у тебя нет возможности] написать об этом, напиши же о себе что-либо другое, об остальном, не относящемся к тебе, я слышал»⁴³. В этих фразах звучит и обида на жену, и тревога за нее: Паниск, видимо, предполагает, что Плутогении, вынужденной прибегать к услугам писца, небезопасно было разглашать свое намерение поехать в Верхний Египет, где назревали или, может быть, даже вспыхнули волнения. Не получая писем от жены, Паниск все же имеет какую-то устную (*ἄλλα ἤκουσα*) информацию о том, что происходит дома, следовательно, связь между Коптом и Фаюмом оставалась более или менее устойчивой. И снова в этом же письме Паниск настойчиво требует доставить ему в Копт его оружие, на этот раз, очевидно, с посылным. Из письма P. Mich. 220 уже совершенно ясно, что он находится в составе войска Аврелия Ахиллеса и пытается переманить к нему и своего шурина Гермия, который, видимо, еще до отъезда Паниска был призван в войска тетрархии, дислоцированные в Фиваиде.

Что касается P. Mich. 218, то оно тоже выпадает по содержанию из серии предыдущих писем жене: в нем речь идет только о бытовых заботах — о реализации посланной Паниском домой шерсти, изготовлении украшений для дочери и одежды для жены и самого Паниска. Некоторый оттенок неопределенности носит лишь сообщение о его намерении вернуться домой:

⁴² Возможно, Плутогения ушла из дома Паниска в дом своей матери: письмо-носец обратился за ответом Паниску к обем вместе — жене и теще (сткк. 22—25).

⁴³ P. Mich. 217, сткк. 8—16; конец 13-й строки фрагментирован, перевод приблизительный.

«если этого захочет бог, я приду», предварительно известив об этом через Ахаона, и советует жене поступать соответственно их (неясно, кого) желаниям. В этом письме нет намека на тревожную обстановку, оно могло быть написано и до начала волнений, и после замирения, поэтому едва ли есть необходимость непосредственно связывать его с P. Mich. 219, вероятно, в нем упоминается другое, не дошедшее до нас, письмо Айону.

Таким образом, в период восстания Ахиллеса семья Паниска оказалась разбросанной, и родственники — он сам и шурин — были даже во враждующих лагерях, хотя сохранялась, по крайней мере в начале восстания, возможность сношений между ними. О дальнейшей судьбе Паниска сведений в папирусах нет (или пока не найдено?), но можно предполагать, что он вместе с войском Аврелия Ахиллеса передислоцировался в Александрию и Плутогения вслед за ним (или ранее?) отправилась туда же. Такая гипотеза делает объяснимыми и сетование Плутогении в письме к матери, что она уже восемь месяцев не получала от нее писем, и такую фразу из ее письма: «неужели опять считаешь меня не за свою дочь, а за врага своего?»⁴⁴ (напомним, что брат Плутогении Гермия находился в императорских войсках), и совет не стремиться сводить счеты.

Итак, письма Паниска дают очень живую и конкретную картину жизни египетской семьи, втянутой ходом событий, вольно или невольно, в сложную обстановку, порожденную восстанием Аврелия Ахиллеса и узурпацией Домиция Домициана.

Кто же такой Паниск и почему он оказался в лагере восставших? Об этом его письма дают очень скудную информацию. Издатель мичиганских папирусов М. Уинтер пишет, что упоминания об оружии, о коллегах-воинах и префекте создают впечатление, что это солдат, но данные о материальных ценностях, которыми Паниск располагал (золотые украшения жены, денежные суммы, товары), позволяют видеть в нем торговца, связанного с торговлей оружием⁴⁵. Однако приведенные Уинтером аргументы свидетельствуют лишь об относительной зажиточности Паниска, но не могут служить доказательством того, что он торговал оружием. Из писем известно также, что он имел дом и какое-то хозяйство (упоминаются овцы) в одной из ном Арсиноитского нома (может быть, в Филадельфии, в развалинах которой были найдены папирусы), видимо, по соседству с братом Айоном, которому он поручает заботиться о дочери после того, как жена ушла из дома. Мать Плутогении также имела дом, скот и земельный участок (упоминается оросительное устройство) в другой коме того же нома (?). Брат Плутогении, как уже говорилось, служил в войсках эпарха. У Паниска, судя по его письмам, имелся комплект его личного военного снаряжения: старый и новый щит, шлем, 5 копий, нагрудник, португеза, палатка; очевидно, он тоже когда-то находился на военной (или полицейской?) службе. Лица, окружавшие Паниска в Копте и упоминавшиеся в его переписке с Плутогенией, носят имена: Антоний, Нонн, Сарацион, Корнелий, Диоскор, чаще встречавшиеся в городах и в военной среде, чем в сельских поселениях (ср., например, имена братьев и соседей Паниска — Айон, Пасоэйс, Атас).

Цель его поездки в Копт не ясна, но не исключено, что она была связана с какими-то торговыми интересами, к тому же в Копте жила сестра его жены и через родственников он мог получить информацию о назре-

⁴⁴ Πάλι οὖν οὐκ εἶχες με ὡς θυγατέρα σου (ἀλλὰ) ὡς ἐχθρὰν σου (P. Mich. 221, сткк. 6—8). Следует, конечно, не забывать о риторике, привнесенной писцом, составлявшим письмо.

⁴⁵ Papyri in the University of Michigan Collection... V.III. P. 275.

вающих там событиях. Сразу же по приезде в Копт Паниск стал звать Плутогению приехать к нему и привезти его одежду и военное снаряжение (захватив и свою одежду и драгоценности), видимо, рассчитывая остаться в Копте надолго. Последующие настойчивые просьбы прислать его личное оружие говорят о том, что он решил вступить в армию Ахиллеса. Однако, если у Плутогении и были намерения поехать в Копт, то со временем они изменились, и она начала действовать самостоятельно и, видимо, с той же ориентацией, что и Паниск. Из ее письма Паниск узнал, что она взяла (у кого, не известно) 23 щита, но с его стороны почему-то никакой реакции на это важное сообщение не последовало. Тем не менее такой факт сам по себе подтверждает мнение М. Уинтера об участии Паниска в торговле оружием. Как уже говорилось, в сентябре 2-го года Л. Домиция Домициана Паниск пишет, что большинство из его коллег — οἱ πλείστοι τῶν κολλητῶν ἡμῶν — «пришли к нам», т. е. к корректору Ахиллесу. Написанная над строкой цифра 19 может означать и число перешедших и число «коллег». Кто подразумевается под «коллегами» — сослуживцы в воинском подразделении или сотоварищи по торговым операциям — не ясно, но скорее первое.

Итак, из всего, что нам известно о Паниске, можно заключить, что по своему социальному статусу он не был горожанином, но и к рядовым кометам его тоже нельзя причислить: он имел опыт военной службы, а к моменту восстания, видимо, стал заниматься сбытом воинского снаряжения, в частности щитов. Его причастность к воинскому делу, надо думать, и определила его позицию во время восстания Ахиллеса.

Таким образом, в итоге рассмотрения петиций и хозяйственных документов из Фаюма и писем Паниска из Копта складывается впечатление, что обстановка в египетской хоре в период восстания Ахиллеса хотя и была напряженной, но признаков массового стихийного участия в нем сельского населения проследить не удается. Видимо, восстание Ахиллеса на юге Египта и узурпация Л. Домиция Домициана в Александрии носили характер военного переворота, готовившегося в районах дислокации воинских подразделений, а затем поддержанного городским населением. По свидетельствам древних авторов наиболее массовым и упорным было восстание в Александрии и, как уже говорилось, было подавлено лишь в результате длительной осады.

LA LUTTE SOCIO-POLITIQUE EN ÉGYPTE DE LA FIN DU IIIe S. D'APRÈS LES LETTRES ET PÉTITIONS DE L'ÉPOQUE

A. I. Pavlovskaja

L'article analyse des papyrus se rapportant à l'époque de l'usurpateur Domitianus et de l'insurrection d'Achilleus. S'appuyant sur les pétitions de Taësis et Kyrillous, filles de Kopres, du village de Karanis (*P. Cair. Isidor.* 62—64) et d'autres documents, ainsi que sur les lettres de Paniscos et de sa femme (*P. Mich.* III, 214—221), l'auteur étudie la façon dont les événements en rapport avec l'insurrection étaient perçus par la population rurale d'Égypte et se sont répercutés sur son destin.

En ce qui concerne la polémique suscitée par la date et l'ordre des événements qui ont marqué l'insurrection, l'auteur estime convaincante la chronologie reconstruite par J. D. Thomas, mais n'en pense pas moins que toutes les datations demeureront discutables tant qu'on ne les aura pas confirmées par une étude de la situation socio-économique et politique dans son ensemble en Égypte à cette époque.